

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
13 June 2022
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 933/2019* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	А. Х. и С. Х. (представлены адвокатами Мартемом Праделем и Марком Байи)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Х.
<i>Государство-участник:</i>	Франция
<i>Дата сообщения:</i>	14 мая 2019 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 24 мая 2019 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	22 апреля 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	репатриация из Сирийской Арабской Республики
<i>Процедурные вопросы:</i>	Приемлемость — явно необоснованная жалоба; правоспособность; приемлемость — <i>ratione personae</i>
<i>Вопросы существа:</i>	предотвращение пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания
<i>Статьи Конвенции:</i>	2 и 16

1.1 Заявителями являются А. Х. и С. Х., граждане Франции соответственно 1959 и 1962 года рождения. Они утверждают, что государство-участник нарушило права их сына Х., гражданина Франции 1990 года рождения, который в настоящее время содержится под стражей в Сирийской Арабской Республике. Государство-участник

* Принято Комитетом на его семьдесят третьей сессии (19 апреля — 13 мая 2022 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: Тодд Бакуолд, Клод Эллер, Эрдоган Ишджан, Лю Хуавэнь, Маэда Наоко, Илвия Пуце, Ана Раку, Абдерразак Руване и Бахтияр Тузмухамедов. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым в совокупности с правилом 15, правил процедуры Комитета, а также пунктом 10 Руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абесские руководящие принципы) Себастьян Тузе в рассмотрении настоящего сообщения не участвовал.

сделало 23 июня 1988 года заявление в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Конвенции. Заявители представлены адвокатами Мартеном Праделем и Марком Байи.

1.2 24 мая 2019 года Комитет, действуя через своего докладчика по новым жалобам и временным мерам, принял решение не удовлетворять просьбу заявителей о временных мерах. Однако он просил государство-участник принять все имеющиеся в его распоряжении меры по защите жизни и обеспечению неприкосновенности Х.

Факты в изложении заявителей

2.1 Заявители утверждают, что в июне 2016 года Х., как и другие французские граждане, выехал из Франции в иракско-сирийскую зону через Турцию в условиях гражданской войны в Сирии. Как только он пересек турецко-сирийскую границу, Х. был арестован курдскими силами, которые контролируют большую территорию на северо-востоке Сирийской Арабской Республики. В феврале 2018 года по решению курдских сил Х. был переведен в тюрьму «Меззех» в Дамаске, которая находится под контролем правительства Башара Асада. По мнению заявителей, вполне вероятно, что этот перевод произошел с санкции французских властей, которые находились в постоянном контакте с курдскими силами. Впоследствии Х. был переведен в тюрьму «Адра» в Дамаске, где он содержится по сей день. С момента его ареста судебного разбирательства не проводилось. Он ни разу не предстал перед судьей и не имел возможности встретиться с адвокатом. Заявители периодически общаются с ним по телефону, но имеют мало новостей о нем и обеспокоены условиями его содержания под стражей.

2.2 Заявители ссылаются на сообщения о том, что задержанные «систематически подвергаются пыткам или иному жестокому обращению в сирийских тюрьмах», что «в месяц там происходит более 300 случаев смерти» и что «на объектах, находящихся в ведении спецслужб, задержанные постоянно подвергались во время допросов пыткам и другим видам жестокого обращения, обычно с целью получения “признательных показаний” или другой информации или в качестве наказания»¹. Санитарные условия в тюрьмах, находящихся в ведении спецслужб, плачевны из-за переполненности и преднамеренного отказа в еде, питьевой воде и медицинском обслуживании. Заражение чесоткой и вшами — обычное явление, а болезни легко распространяются. Заявители утверждают, что таким образом Х. подвергается риску смерти и причинения необратимого вреда его физической и психической неприкосновенности в результате актов пыток и обращения, практикуемых в тюрьмах сирийского режима.

2.3 Заявители утверждают, что на них распространяется юрисдикция государства-участника, поскольку они являются гражданами Франции, проживающими во Франции. Они отмечают, что в деле, касающемся просьбы о возвращении французских граждан, задержанных в Сирийской Арабской Республике, Административный суд Парижа, рассматривая обращение по срочному вопросу, признал себя некомпетентным на том основании, что предмет обращения касался не административной ответственности государства, а акта правительства, входящего в сферу дипломатических отношений. По мнению заявителей, ни один французский суд, таким образом, не компетентен выносить решение, касающееся позиции государства-участника в отношении французских граждан, задержанных в Сирийской Арабской Республике. Даже если бы суд обязал власти принять меры защиты, ни у Х., ни у заявителей не было бы никаких правовых средств для исполнения такого решения, поскольку только правительство Франции может бы распорядиться о принятии таких мер. Заявители и их адвокаты связались с Президентом Республики, министром юстиции и министром по делам Европы и иностранных дел, но эти усилия не

¹ Amnesty International, « L'enfer des prisons syriennes : torture et morts en détention », communiqué de presse, 18 août 2016, disponible à l'adresse suivante : <https://www.amnesty.ch/fr/pays/moyen-orient-afrique-du-nord/syrie/docs/2016/torture-et-morts-massives-de-detenus>.

увенчались успехом². Заявители утверждают, что, следовательно, не существует никакого доступного и эффективного внутреннего средства правовой защиты.

2.4 Заявители отмечают, что в январе 2019 года министр внутренних дел государства-участника объявил о решении репатриировать примерно 130 французских граждан из Сирийской Арабской Республики, однако впоследствии французские власти отрицали наличие каких-либо планов по репатриации французских граждан, задержанных в этой стране или в Ираке. Они критикуют бездействие властей государства-участника, учитывая их регулярные контакты с властями Рожавы, мобилизацию судебных и тюремных органов для организации репатриации, а также недавнюю репатриацию нескольких французских граждан, задержанных курдскими силами.

Жалоба

3.1 Заявители утверждают о нарушении статьи 2, в сочетании со статьей 16, Конвенции. Они утверждают, что замечание общего порядка № 2 (2007) Комитета расширяет понятие юрисдикции, считая, что государства-участники должны предотвращать нарушения прав лиц, над которыми они осуществляют юрисдикцию, включая личные права. Таким образом, статья 2 Конвенции обязывает государство-участник принять необходимые меры, чтобы положить конец запрещенному Конвенцией обращению с их гражданами. Кроме того, в статье 5 (пункт 1 с)) Конвенции говорится о гражданах государств-участников.

3.2 Заявители утверждают, что статья 2 также охватывает жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, предусмотренное статьей 16 Конвенции. По их мнению, статья 2 Конвенции охватывает обязательство устранить все правовые препятствия, которые создают риск подвергнуться обращению, запрещенному Конвенцией.

3.3 Заявители отмечают, что в пункте 19 замечания общего порядка № 2 (2007) Комитета говорится, что если то или иное лицо подлежит переводу или направлению под стражу или под надзор какому-либо лицу или в учреждение, о котором известно, что оно причастно к пыткам или жестокому обращению, или которое не соблюдает надлежащих гарантий, то ответственность за это несет государство, а его должностные лица подлежат наказанию за то, что они распорядились о таком переводе, разрешили его или участвовали в нем. В данном случае Х. был арестован курдскими силами, которые передали его сирийским властям. Учитывая регулярные контакты между курдскими силами и государством-участником и французское гражданство Х., его передача была бы невозможна без разрешения властей государства-участника. Своим решением отказать в репатриации Х. власти государства-участника не приняли необходимых мер для его защиты и подвергли его риску серьезных и непоправимых нарушений его прав по статье 2, в сочетании со статьей 16, Конвенции.

Замечания государства-участника относительно приемлемости

4.1 В своих замечаниях от 23 июля 2019 года государство-участник заявляет, что настоящая жалоба является неприемлемой как явно необоснованная ввиду отсутствия доказательств, подтверждающих захват Х. курдскими силами, его передачу сирийским властям, содержание под стражей в Дамаске и утверждение о том, что государство-участник было проинформировано об этих заявлениях. Государство-участник

² Заявители ссылаются на письмо их адвокатов от 1 февраля 2019 года, адресованное Президенту Республики, в котором они просят о репатриации нескольких французских женщин и детей, содержащихся в лагерях, контролируемых курдскими силами на северо-востоке Сирийской Арабской Республики, и в котором они подтверждают «присутствие в иракско-сирийской зоне нескольких других французских граждан, точное местонахождение которых сегодня невозможно установить», включая Х., который, «вероятно, содержится в тюрьме “Меззех” в Дамаске». Они также прилагают ответ руководителя аппарата Президента Республики от 26 февраля 2019 года, в котором он отрицательно отвечает на просьбу о встрече для обсуждения условий репатриации французских граждан, содержащихся в лагерях, контролируемых курдскими силами.

отмечает, что в письме адвокатов заявителей на имя Президента Республики Х. упоминается в списке французских граждан, «точное местонахождение которых сегодня невозможно установить», и добавляется, что Х., «вероятно», содержится в тюрьме «Меззех», что свидетельствует о неопределенности его местонахождения.

4.2 Государство-участник добавляет, что настоящая жалоба также является неприемлемой из-за отсутствия правоспособности, поскольку заявители не доказывают, что они являются родителями Х. или что Х. поручил им представлять его интересы, хотя они утверждают, что поддерживают контакты.

4.3 Государство-участник далее утверждает, что настоящая жалоба является неприемлемой из-за отсутствия юрисдикции. Оно утверждает, что Комитет должен проверить, что юрисдикция государства-участника распространяется не на заявителей, а на лицо, чьи права были предположительно нарушены. Государство-участник отмечает, что государства согласились соблюдать права, изложенные в международных договорах по правам человека, включая Конвенцию, только в ситуациях, которые подпадают под их суверенитет и юрисдикцию и которые они могут эффективно контролировать. По мнению государства-участника, не представляется возможным возлагать на государства ответственность по международным договорам о правах человека за ситуации, причиной возникновения которых они не являются и над которыми они не имеют эффективного контроля, путем приписывания им действий других государств или негосударственных субъектов. Государство-участник утверждает, что Комитет должен учитывать, с одной стороны, то, на что государства согласились, когда они приняли на себя обязательство принимать законодательные, административные, судебные и другие меры для предотвращения актов пыток на любой территории под их юрисдикцией, и, с другой стороны, неразрывные связи между понятиями юрисдикции и эффективного контроля над ситуацией. Кроме того, не представляется возможным искусственно расширить понятие юрисдикции, чтобы придать Конвенции такую сферу действия, которой государства не намеревались наделять ее при ее ратификации.

4.4 Государство-участник отмечает, что в международном публичном праве понятие юрисдикции является прежде всего территориальным и что юрисдикция государства может осуществляться за пределами его границ в соответствии с Конвенцией лишь в исключительных случаях, когда государство осуществляет эффективный контроль над лицом, находящимся на другой территории³. Государство-участник отмечает, что таким образом Комитет объявил неприемлемыми *ratione personae* жалобы, основанные на действиях, совершенных за пределами территории государства-участника и уполномоченными представителями другого государства⁴.

4.5 Государство-участник отмечает мнение Европейского суда по правам человека о том, что эффективный контроль со стороны государства-участника может быть результатом контроля над районом за пределами его территории, осуществляемого либо напрямую, через его вооруженные силы, либо косвенно, через подчиненную местную администрацию⁵. Кроме того, чтобы государство несло ответственность за

³ Венская конвенция о праве международных договоров, ст. 29; Cour européenne des droits de l'homme, *Banković et autres c. Belgique et autres*, requête n° 52207/99, décision sur la recevabilité, 12 décembre 2001, par. 59 et suiv. ; et Cour européenne des droits de l'homme, *Al-Skeini et autres c. Royaume-Uni*, requête n° 55721/07, arrêt, 7 juillet 2011, par. 138 et suiv. Государство-участник отмечает, что Межамериканская комиссия по правам человека приняла аналогичный подход; см. Commission interaméricaine des droits de l'homme, rapport n° 17/12, pétition P-900-08, *Djamel Ameziane c. États-Unis*, décision sur la recevabilité, 20 mars 2012, par. 30. См. также Комитет против пыток, замечание общего порядка № 2 (2007), п. 16; совместное замечание общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка, п. 12; и Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 31 (2004), п. 10.

⁴ См. *З. против Австралии* (CAT/C/53/D/511/2012); *Агиза против Швеции* (CAT/C/34/D/233/2003); и *Ройтман Розенманн против Испании* (CAT/C/28/D/178/2000 и CAT/C/28/D/176/2000/Corr.1), п. 6.6.

⁵ Cour européenne des droits de l'homme, *Al-Skeini et autres c. Royaume-Uni*, requête n° 55721/07, arrêt, 7 juillet 2011, par. 139.

нарушение прав человека, совершенное на чужой территории, оно должно оказывать настолько решающее влияние на управление этой территорией, что государство фактически осуществляет эффективный контроль над этой территорией в той степени, в которой без его поддержки местная администрация не могла бы функционировать⁶. Международный суд разработал аналогичное понятие экстерриториальной юрисдикции на основе эффективного контроля⁷. В деле *Djamel Ameziane c. États-Unis* (Джамел Амезиан против Соединенных Штатов) Межамериканская комиссия по правам человека установила, что осуществление экстерриториальной юрисдикции характеризуется полным и исключительным контролем государства-участника, через его уполномоченных представителей, над лицом, о правах которого идет речь⁸.

4.6 Государство-участник утверждает, что в свете этой судебной практики аргумент заявителей о том, что Конвенция обязывает государство-участник защищать Х., учитывая его французское гражданство, не соответствует ни букве, ни духу Конвенции. По мнению государства-участника, в замечании общего порядка № 2 (2007) Комитета говорится лишь о том, что государства несут ответственность за действия и поручения своих должностных лиц, с одной стороны, и что государства-участники должны принимать эффективные меры для предотвращения актов пыток не только на своей территории, но и на любой территории под их юрисдикцией — с другой. Аналогичным образом государство-участник утверждает, что пункт 1 b) статьи 5 Конвенции направлен на наказание за преступления, указанные в статье 4 Конвенции, и предоставление жертве средства правовой защиты, но что он не распространяет юрисдикцию государств-участников по статье 2 Конвенции на всех их граждан за пределами их территории или на территории, находящейся под их эффективным контролем.

4.7 Государство-участник утверждает, что Х. не находится ни под контролем и властью французских должностных лиц и уполномоченных представителей, ни на территории, находящейся под эффективным контролем государства-участника. Если Х. содержится в тюрьме «Адра» в Дамаске, то он находится под исключительным контролем сирийских властей. Кроме того, передача Х. курдскими силами сирийским властям и предполагаемое согласие на это французских властей являются лишь предположениями, которые выдвинуты заявителями и не подкреплены никакими документами или материальными доказательствами.

Комментарии заявителей к замечаниям государства-участника относительно приемлемости

5.1 В своих комментариях от 26 августа 2019 года заявители отмечают, что в 2019 году французские власти репатриировали несколько сирот, причем французские военнослужащие приняли непосредственное участие в соответствующих лагерях. Они утверждают, что репатриация 12 французских комбатантов из Сирийской Арабской Республики в Ирак, объявленная Президентом Ирака на пресс-конференции с Президентом государства-участника и осуществленная в присутствии французских официальных лиц, означает, что эта передача не могла быть осуществлена без разрешения государства-участника. Они утверждают, что ввиду этих репатриаций власти государства-участника имеют право решать судьбу своих граждан в Сирийской Арабской Республике.

5.2 Заявители утверждают, что правило 113 Правил процедуры Комитета позволяет им подать заявление от имени Х. без доказательства их родства, учитывая его неспособность подать его самостоятельно и уполномочить их. Они предоставили

⁶ Cour européenne des droits de l'homme, *Ilaşcu et autres c. République de Moldova et Fédération de Russie*, requête n° 48787/99, arrêt, 8 juillet 2004, par. 392 ; и Cour européenne des droits de l'homme, *Mozzer c. République de Moldova et Fédération de Russie*, requête n° 11138/10, arrêt, 23 février 2016, par. 110.

⁷ Cour internationale de Justice, *Conséquences juridiques de l'édification d'un mur dans le territoire palestinien occupé*, avis consultatif, 9 juillet 2004, par. 109 à 112.

⁸ Commission interaméricaine des droits de l'homme, rapport n° 17/12, pétition P-900-08, *Djamel Ameziane c. États-Unis*, décision sur la recevabilité, 20 mars 2012, par. 30.

копию свидетельства о рождении Х., чтобы доказать, что они являются его родителями, и утверждают, что он дал им устное согласие действовать от его имени в Комитете. В любом случае требование официального согласия будет представлять собой непреодолимое препятствие для подачи заявления, что является нарушением буквы и духа Конвенции.

5.3 Заявители оспаривают толкование государством-участником правовой практики Европейского суда по правам человека. Они утверждают, что необходимо проводить различие между двумя ситуациями: экстерриториальным применением юрисдикции на основании экстерриториального акта государства и экстерриториальным применением на основании чисто внутреннего акта государства, касающегося соответствующего лица и непосредственно влияющего на его правовое положение⁹. Они утверждают, что в соответствии с устоявшимся прецедентным правом юрисдикция государства «может возникнуть в силу актов, исходящих от [его] органов и имеющих силу за пределами [национальной территории]»¹⁰. Суд никогда не принимал критерий эффективного контроля в качестве неперемного условия для экстерриториального осуществления юрисдикции; скорее, он предпочитал более широкий подход, основанный на понятии «решающего влияния», которое не подразумевает ни контроля над местными властями, ни прямого участия уполномоченных представителей государства-участника¹¹. В связи с этим Суд постановил, что «поскольку это государство обеспечивает выживание этой администрации посредством своей военной и иной поддержки, оно несет ответственность за политику и действия, осуществляемые ею»¹². Заявители утверждают, что в данном случае государство-участник осуществляет такое влияние на севере Сирийской Арабской Республики, учитывая его военное вмешательство в операцию «Шаммал», позволившее оказать Сирийским демократическим силам значительную помощь в изгнании ДАИШ из региона, и его партнерство с Сирийскими демократическими силами в области стабилизации освобожденных районов и организации управления там. Они ссылаются на коммюнике государства-участника от 15 марта 2019 года, в котором министр по делам Европы и иностранных дел благодарит Сирийские демократические силы за сотрудничество в репатриации нескольких сирот и напоминает о приверженности Франции борьбе с ДАИШ. По мнению заявителей, государство-участник, таким образом, обладает полной информацией о положении боевиков ДАИШ, задержанных курдскими силами, и тем более о положении собственных граждан.

5.4 Заявители отмечают, что в деле *Stephens c. Malte (n° 1)* (*Стивенс против Мальты (№ 1)*)¹³ Европейский суд по правам человека постановил, что запрос Мальты об экстрадиции привел к возникновению юрисдикционной связи между запрашивающим государством и лицом, в отношении которого был сделан запрос, поскольку лишение заявителя свободы было «обусловлено исключительно» мерами, принятыми мальтийскими властями. Аналогичным образом Европейская комиссия по правам человека признала, что граждане государства частично подпадают под его юрисдикцию, где бы они ни находились¹⁴. В данном случае, арестовав Х., курдские силы обязательно проинформировали власти государства-участника, чтобы последние могли взять на себя ответственность за его положение, учитывая многочисленные призывы высокопоставленных должностных лиц сирийских курдов к репатриации

⁹ Marko Milanovic, *Extraterritorial Application of Human Rights Treaties: Law, Principles, and Policy* (Oxford, Oxford University Press, 2011), p. 8.

¹⁰ Cour européenne des droits de l'homme, *Drozdz et Janousek c. France et Espagne*, requête n° 12747/87, arrêt, 26 juin 1992, par. 91 ; и Cour européenne des droits de l'homme, *Sejdovic c. Italie*, requête n° 56581/00, arrêt, 1er mars 2006.

¹¹ Cour européenne des droits de l'homme, *Ilaşcu et autres c. République de Moldova et Fédération de Russie*, requête n° 48787/99, arrêt, 8 juillet 2004, par. 393.

¹² Cour européenne des droits de l'homme, *Catan et autres c. République de Moldova et Fédération de Russie*, requêtes n°s 43370/04, 8252/05 et 18454/06, arrêt, 19 octobre 2012, par. 106 ; et *Sargsyan c. Azerbaïdjan*, requête n° 40167/06, arrêt, 16 juin 2015, par. 128.

¹³ Cour européenne des droits de l'homme, *Stephens c. Malte*, requête n° 11956/07, arrêt, 21 avril 2009.

¹⁴ Commission européenne des droits de l'homme, *Chypre c. Turquie*, requêtes n°s 6780/74 et 6950/75, décision, 26 mai 1975, par. 8.

иностранцев, содержащихся в их лагерях, и их тесные связи с властями государства-участника, в частности в том, что касается помощи в управлении положением этих задержанных. Более того, учитывая уже проведенные по решению государства-участника репатриации в марте и июне 2019 года, а также передачу 12 французских комбатантов в Ирак, бесспорно, что власти государства-участника имеют право принимать решения о судьбе своих граждан, удерживаемых в Сирийской Арабской Республике. Следовательно, исключено, что курдские силы могли перевести Х. в одну из тюрем сирийского правительства без предварительного официального согласия государства-участника. В свете пресс-релиза Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях от 12 августа 2019 года о роли государства-участника в передаче семи граждан Франции в Ирак¹⁵, следует даже считать, что передача Х. в Дамаск была «обусловлена исключительно» государством-участником. По мнению заявителей, решение о передаче, таким образом, создало юрисдикционную связь между государством-участником и Х.

5.5 Заявители повторяют свои утверждения по статье 2, в сочетании со статьей 16, Конвенции. Они также подтверждают, что лица, содержащиеся под стражей в тюрьмах сирийских властей, систематически подвергаются пыткам и что содержание Х. в такой тюрьме ежедневно подвергает его риску смерти и нанесения необратимого ущерба его физическому и психическому здоровью. Они предоставили копию справки из тюрьмы «Адра», подтверждающей, что Х. содержится именно там.

Дополнительные замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

6.1 В вербальной ноте от 26 ноября 2019 года государство-участник оспаривает, что оно осуществляет юрисдикцию в отношении Х. на основании любого решения, принятого на его национальной территории. Оно отмечает, что в деле *Al-Skeini et autres c. Royaume-Uni (Аль-Скейни и др. против Соединенного Королевства)* Европейский суд по правам человека постановил, что юрисдикция договаривающегося государства может распространяться на действия его органов, которые имели последствия за пределами его территории, в качестве особого случая, когда договаривающееся государство осуществляло свою власть и контроль через одного из своих уполномоченных представителей (*ratione personae*), а не как отдельное исключение из общего правила территориальной юрисдикции. Более того, представление о том, что любое лицо, пострадавшее от действия, приписываемого договаривающемуся государству, автоматически подпадает под юрисдикцию этого государства, было отвергнуто Европейским судом по правам человека¹⁶. Государство-участник оспаривает уместность судебной практики, на которую ссылаются заявители в настоящем деле.

6.2 Государство-участник также опровергает мнение о том, что международное публичное право признает связь между юрисдикцией и гражданством. Оно утверждает, что заявители путают понятие личной юрисдикции государства, т. е. юрисдикции, которую государство осуществляет в отношении своих граждан за рубежом на основании их гражданства, с понятием экстерриториальной юрисдикции. Как законное полномочие, в силу которого государство имеет право действовать в отношении своих граждан и подданных за рубежом, отдавая им приказы, регулируя их личный статус и осуществляя свою власть над ними, персональная юрисдикция может осуществляться без нарушения территориальной юрисдикции государств, на

¹⁵ Haut-Commissariat des Nations Unies aux droits de l'homme, « France : une experte des Nations Unies exhorte le gouvernement à se mobiliser pour sept ressortissants en attente d'exécution en Irak », communiqué de presse, 12 août 2019.

¹⁶ Cour européenne des droits de l'homme, *Banković et autres c. Belgique et autres*, requête n° 52207/99, décision sur la recevabilité, 12 décembre 2001, par. 75 ; и Cour européenne des droits de l'homme, *Chagos Islanders c. Royaume-Uni*, requête n° 35622/04, décision, 11 décembre 2012, par. 65.

территории которых находятся соответствующие лица. Таким образом, X. не подлежит юрисдикции государства-участника только на основании его гражданства.

6.3 Более того, введение путаницы между гражданством и юрисдикцией предоставила бы гражданам государств-участников за пределами страны их происхождения защиту, которой не смогли бы воспользоваться неграждане за пределами этих территорий, что противоречит логике Конвенции, предусматривающей защиту лиц независимо от их гражданства. Судебная практика, на которую ссылаются заявители, подтверждает, что экстерриториальная юрисдикция осуществляется в отношении граждан в той мере, в какой представители государства осуществляют власть над этими лицами¹⁷. С другой стороны, концепция юрисдикции, выдвинутая заявителями, равнозначна признанию универсальной юрисдикции и возлагает на любое государство, которое отказывает гражданину в просьбе о вмешательстве, ответственность за любое потенциальное нарушение Конвенции, совершенное в третьем государстве или третьим государством. Такая концепция выходит за сферу применения Конвенции, которой государство-участник предполагало ее наделить, когда ратифицировало ее, и означает, что государства, вероятно, столкнутся с позитивными обязательствами по вмешательству для прекращения нарушений прав человека в других государствах, когда их об этом попросят, что противоречит принципу государственного суверенитета.

6.4 В качестве альтернативы государство-участник утверждает, что оно не принимало никаких решений, которые могли бы отнести X. к его юрисдикции. Оно отмечает, что заявители не представили никаких доказательств того, что X. был захвачен и задержан Сирийскими демократическими силами, что он был передан или что государство-участник разрешило такую передачу. Само по себе наличие контактов между государством-участником и курдскими силами не свидетельствует о наличии такого разрешения, а пресс-релиз Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях не касается дела X. Его содержание под стражей связано не с какими-либо действиями государства-участника, а, скорее, с его решением отправиться в Сирийскую Арабскую Республику. Государство-участник отрицает, что оно оказывает какое-либо решающее влияние на Сирийские демократические силы, но отмечает, что в любом случае они не содержат X. под стражей.

6.5 Что касается существа дела, то государство-участник напоминает, что заявители не представили никаких доказательств относительно его участия в гипотетической передаче X. или того, что оно было проинформировано о его аресте. Государство-участник отмечает, что просьба о репатриации, адресованная Президенту Республики, датирована 1 февраля 2019 года, т. е. значительно позже предполагаемого задержания X. Сирийскими демократическими силами. Таким образом, государство-участник нельзя обвинить в том, что оно не репатриировало его, пока он удерживался под стражей Сирийскими демократическими силами.

6.6 По мнению государства-участника, нерепатриация X. из тюрем, контролируемых сирийскими властями, также не может являться нарушением Конвенции. Во-первых, заявители не представили никаких точных и обоснованных доказательств, касающихся конкретного положения X. или условий его содержания под стражей. Во-вторых, Конвенция не налагает позитивного обязательства по репатриации граждан, которые могут подвергнуться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, поскольку оно подрывало бы суверенитет государств и выходило бы за рамки тех обязательств, которыми государства хотели связать себя при ратификации Конвенции. Такое обязательство также противоречило бы гибкому подходу, принятому Комитетом, который признает свободу действий государств-участников в отношении оценки положения своих граждан¹⁸. В-третьих, такое обязательство было бы лишь обязательством поведения, требующим проведения различия между территориальными и экстерриториальными случаями и применимым

¹⁷ Commission européenne des droits de l'homme, *Chypre c. Turquie*, requêtes n°s 6780/74 et 6950/75, décision, 26 mai 1975, par. 8.

¹⁸ *Ройтман Розенманн против Испании*, п. 6.7.

в соответствии с принципом суверенитета государств. Таким образом, государство-участник не сможет организовать возвращение Х. без согласия сирийских властей. Государство-участник больше не имеет представительства в Дамаске. В-четвертых, государство-участник не отклонило ни одной просьбы о репатриации, поданной от имени Х., поскольку в письме на имя Президента Республики содержится просьба о репатриации «нескольких французов, удерживаемых вместе с маленькими детьми в лагерях, контролируемых курдскими силами на северо-востоке Сирии». Х. упоминается лишь в числе «нескольких других французских граждан в иракско-сирийской зоне, точное местонахождение которых сегодня невозможно установить», и в письме указывается, что он, «вероятно», содержится в тюрьме «Меззех» в Дамаске.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет должен принять решение о том, является ли оно приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

7.2 Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что настоящая жалоба является неприемлемой из-за отсутствия разрешения. Однако он отмечает, что заявители представили копию свидетельства о рождении Х., чтобы доказать, что они являются его родителями, и утверждают, что Х. дал им устное согласие действовать от его имени в Комитете. Исходя из этого и с учетом обстоятельств, в которых предположительно находится Х. и которые не дают ему реальной возможности предоставить письменное разрешение, Комитет считает, что в соответствии с правилом 113 а) его правил процедуры ничто не мешает ему рассмотреть настоящую жалобу.

7.3 Комитет отмечает дальнейшее утверждение государства-участника о том, что настоящая жалоба является неприемлемой на том основании, что государство-участник не обладает юрисдикцией в отношении Х. Он также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что в соответствии с Конвенцией и международным публичным правом в целом оно обладает юрисдикцией только в отношении лиц, которые находятся на его территории или под его эффективным контролем, и что в данном случае Х. не находится ни на территории государства-участника, ни под контролем и властью французских должностных лиц и уполномоченных представителей, ни на территории, над которой государство-участник имеет эффективный контроль. Комитет также отмечает утверждение государства-участника о том, что Х. якобы находится под исключительным контролем сирийских властей и что заявление о согласии французских властей на его передачу курдскими силами сирийским властям ничем не обосновано.

7.4 Комитет отмечает утверждение заявителей о том, что эффективный контроль не является обязательным условием для установления экстерриториальной юрисдикции, которая также может основываться на выявлении «решающего влияния». Он также отмечает утверждение заявителей о том, что передача Х. сирийским властям была «обусловлена исключительно» государством-участником, учитывая степень его военного и политического влияния на севере Сирийской Арабской Республики, в том числе в свете репатриации государством-участником детей из лагерей в этом регионе, а также французского гражданства Х.

7.5 Для того чтобы определить, можно ли считать, что Х. находится под юрисдикцией государства-участника по смыслу пункта 1 статьи 22 Конвенции, и установить обязательства государства-участника по статье 2 Конвенции в отношении него, Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 2 (2007), в котором он напомнил, что пункт 1 статьи 2 Конвенции требует от каждого государства-участника принятия эффективных мер для предупреждения актов пыток не только на своей суверенной территории, но и «на любой территории, находящейся под его

юрисдикцией»¹⁹. В данном случае Комитет отмечает, что для того, чтобы определить, можно ли считать X. находящимся под юрисдикцией государства-участника по смыслу статьи 22 Конвенции, необходимо выяснить, осуществляет ли государство-участник юридические полномочия или контроль над ним²⁰. В этой связи Комитет считает, что судебная практика, на которую ссылаются заявители, и их ссылка на статью 5 (пункт 1 с)) Конвенции не устанавливают более низкий порог или иной стандарт для определения того, находится ли X. под юрисдикцией государства-участника²¹.

7.6 В этой связи Комитет отмечает отсутствие конкретных элементов, свидетельствующих о контроле государства-участника в отношении положения X. Он считает, что действия государства-участника на севере Сирийской Арабской Республики не могут рассматриваться как деятельность, подтверждающая утверждение заявителей о том, что государство-участник имеет или имело юрисдикцию в отношении X., тем более что последний не находится там под стражей, поскольку он содержится в дамасской тюрьме «Адра», которая, как сообщается, контролируется сирийскими властями. Комитет далее отмечает, что заявители не представили никаких конкретных доказательств в поддержку своего утверждения о том, что государство-участник санкционировало предполагаемую передачу X. сирийским властям. Они также не доказали, что с учетом письма их адвокатов от 1 февраля 2019 года на имя Президента государства-участника, в котором утверждалось, что X. может находиться в тюрьме «Меззех», и того, что государство-участник после этого не репатриировало его, он подпадает под юрисдикцию государства-участника.

8. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что государство-участник не осуществляет юрисдикцию в отношении X.

9. Поэтому Комитет постановляет:

- a) считать сообщение неприемлемым согласно пункту 1 статьи 22 Конвенции;
- b) направить настоящее решение заявителям и государству-участнику.

---

¹⁹ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 2, п. 16.

²⁰ *В. К. и У. К. против Швеции* (CAT/C/72/D/R.1027/2020), п. 8.3.

²¹ См., в частности, Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 31 (2004), п. 10; и Cour européenne des droits de l'homme, *Al-Skeini et autres c. Royaume-Uni*, requête n° 55721/07, arrêt, 7 juillet 2011.